

А. Н. Литовченко (Харьков)

Свет в пространстве византийского храма по материалам Херсона

Внутреннее пространство византийского храма вмещает архитектурные мраморные детали, монументальную живопись, предметы церковной утвари, все то, что видит верующий в момент нахождения в храме, в момент Литургии или совершения других христианских Таинств. Но только ли эти детали видел верующий вокруг себя? Атмосфера внутри храма создается посредством не одних лишь материальных компонентов, какими являются элементы внутреннего убранства византийского храма. Свет, запах, пение присутствуют в храме, и в момент богослужения усиливают свое значение. Можно предположить, что, после служебной роли, свет в пространстве храма являлся неотъемлемой частью первоначального архитектурно-художественного и символического замысла храма. Храмы византийского Херсона не исключение в этом отношении. По мере роста интереса к реконструкциям культовых сооружений Херсона все более актуальной становятся характеристика и понимание места всех компонентов их внутреннего пространства. Отсюда встает вопрос воссоздания свето-пространственной композиции базилик и храмов византийского Херсона. На данном исследовательском этапе стояла задача постановки проблемы, систематизации материалов для дальнейшего осмысления и интерпретации.

Период с VI в. до X в. в жизни византийского Херсона характеризуется не прекращавшимся строительством культовых и общественных зданий. В середине VI—VII вв. возводится основная масса величественных базилик и храмов с разнообразными элементами декоративно-символической системы интерьера. Также стоит отметить, что к VI в. христианская Церковь занимала достаточно прочные позиции в этом провинциальном ромейском городе, где существовала епископская кафедра. После X в. наблюдается разрушение крупных базилик, на их месте строились меньшие по размеру квартальные церкви с более скромным внутренним убранством. Облик города и интерьер его храмов стал меняться.

Несмотря на достаточно обширную историографию христианского Херсона, вопросы, связанные с особенностями внутреннего убранства его са-кральных памятников в настоящее время практически не исследованы. В 2001 г. А. М. Лидов предложил термин «иеротопия» (др.- греч. *ιερός* — священный и др.-греч. *τόπος* — место, пространство) для специальной

области историко-культурных исследований, в которой выявляют и анализируют примеры сакральных пространств, рассматриваемые как особый вид творческой деятельности [1, р. 9–35]. Иеротопический подход призван объединить и дополнить реконструкцию внутреннего пространства, включая не только осязаемые (материальные) элементы. Освещение, пение, изобразительные элементы помогают создать особую атмосферу в момент Богослужения. Специальный вопрос изучения освещения византийских и средневековых храмов представлен несколькими диссертациями и статьями [2; 3; 4; 5; 6].

Специфика такой темы обусловлена небольшим объемом информации, содержащейся в письменных источниках официального характера. Но их дополняют данные археологии. Характеристика археологических источников данного проблемного поля включает архитектуру культовых построек, которая сама по себе определяет интенсивность проникавшего в храм дневного освещения, и предметы искусственного освещения, интерпретируемые как подсвечники, лампы и фрагменты лампадофор-хоросов, поликандил.

К настоящему времени исследователями установлено, что в раннесредневековом Херсоне, где к середине X в. проживало примерно 6 тыс. жителей, было, по меньшей мере, четыре десятка значительных культовых сооружений. За более чем полуторастолетнее ведение археологических раскопок зафиксировано: 15 базилик (№ 7, 13, 14, 15, 17, 22, 23, 26, 28, 32, 36, 1932 г., 1935 г., храм «А» около восточной оконечности Уваровской базилики и храм, входивший в комплекс византийского претория — район «цитадели»). Н. Н. Болгов выделяет 12 ранневизантийских базилик из перечисленных 15 [7, с. 103]. Также 7 крестовых и крестовокупольных храмов (крестовидные пристройки у Восточной и Западной базилик, храмы № 27 и № 29 на агоре, «храм с ковчегом» — № 19, Южный и Западный загородные храмы), купольный тетраконх (№ 47), мемориальная церковь — мавзолей с подземной криптой, одноапсидный гробничный мавзолей (№ 12) над усыпальницей около Западной базилики № 13, загородный однонефный храм, открытый в 1902 г. на Девичьей Горке, одноапсидный храм на месте более поздней часовни (№ 17, по обозначению Р. Х. Лепера) в квартале I около Восточной базилики и однонефный храм, открытый в 1958 г. на месте сцены античного театра, а также баптистерии при Уваровской, Западной базиликах, базилике 1935 г., «базилике в базилике», а возможно, и при базиликах № 28 и № 36 [8, с. 761]. Таковы количество и типология культовых построек на данном этапе исследования византийского Херсона.

В отношении интерпретации освещения возможно предположить два принципа для базилик и для крестообразных храмов. Так, вошедшему в храм выразительные акценты света облегчают понимание структуры

архитектурного организма и в целом храмового пространства, поскольку выстраивают направляющие ориентиры. В зависимости от размеров базилики свет распределяется через одночастные или трехчастные двери и окна второго яруса, вдоль центрального нефа. На основе анализа материалов стенной мозаики можно локализовать их размещение в конхе апсиды, куда естественный свет попадал наиболее точно. В этом случае по продольной оси главного нефа проявляется световой пунктир от западного входа к престолу алтаря базилики, а также от входа в базилику через галерею нефа к алтарной части, месту где совершаются главные Таинства во время богослужений в утренние и вечерние часы.

Уместно будет подобрать несколько аналогий для подтверждения данных принципов в отношении распределения естественного света в сохранившихся византийских базиликах других крупных центров Византийской империи — Фессалоники и Равенны. Подобные по архитектуре базилика св. Димитрия (VI—VII вв., Фессалоники, Греция) и базилика Сант-Аполлинаре-Нуово (V—VI вв., Равенна, Италия) имеют наиболее освещенными центральную галерею — неф и алтарную часть, что можно наблюдать и сегодня *in situ* в утренние часы солнечного дня.

Такие примеры неоднократно подтверждаются и другими сохранившимися памятниками, где свет в момент богослужения дополняет внутреннее пространство храма. Следовательно, подобные совпадения не случайны, а закономерны. Ясно, что византийские архитекторы владели основами построения таких сложных световых систем. Они были знакомы с позднеантичными знаниями Витрувия об архитектуре. Его девятая книга из «Трактата об архитектуре» содержит понятия про определение сторон света, времени суток, о небе, равноденствии, солнцестоянии [9, с. 137].

Обратим внимание еще на один аспект взаимосвязи степени освещения и элементов внутреннего пространства византийского храма. Вс. М. Рожнятовский подробно описывает принципы использования световых эффектов оконных проемов в иконографических программах стен и сводов здания [10, с. 400]. На примере только главного храма Святой Софии в Константинополе очевидным становится, что византийские строители (*μηχανικός*) располагали достаточными знаниями для создания сложных систем организации освещения и световых эффектов [11, с. 57].

С целью дополнительного освещения внутри храма использовали и источники искусственного света — лампадофоры, подсвечники. Среди коллекций заповедника «Херсонес Таврический» и собраний Государственного исторического музея находятся бронзовые литые фрагмент хороса (ГИМ № 78607), лампада (ХТ № 7054), фрагмент подсвечника (ХТ № 3848) и трехгранное основание подсвечника (ХТ № 5593). Данные артефакты не были обнаружены в процессе раскопок сакральных сооружений, но частично могут относиться

к категории церковной утвари на основании изображений. Типичный пример представляет составная часть лампадофора — хорос (VI в., диаметр 9,8 см) [12, с. 506]. По центральной оси в верхней и нижней частях диска размещаются петли для крепления цепей (нижняя часть утрачена), что свидетельствует о составной конструкции. На малом диске прорезано изображение креста с расширяющимися концами и крупными «слезками» на углах, причем на одной стороне выгравирован крестик (вверху) и круговая греческая надпись, на другой — орнамент-плетенка.

Прочие артефакты из бронзы VI—X вв. обобщают представление об источниках искусственного освещения в культовых постройках Херсона указанного периода. Так, из раскопок Р. Х. Лепера 1914 г. на западном некрополе известна находка лампы (VI—VII вв., высота 7,3 см, диаметр 8 см, длина цепей — 24,7 см) [12, с. 504]. Место находки определено как склеп 8. Она имела вид канфара без ручек, на короткой ножке, с вертикальным венчиком, тремя вертикальными петлями для крепления цепей из мелких звеньев, которые крепились на рогульку. Такая переносная лампа могла быть переносной и использоваться, до попадания в склеп, в ходе храмовых богослужений. Так же, скорее всего, применялись и два фрагментарно сохранившихся подсвечника, бытование которых, впрочем, не исключено и в частной жизни горожан [12, с. 510–511].

Необходимо обратить внимание на дополняющую функцию освещения во время Литургии. Сочетание элементов внутреннего пространства со световыми эффектами в утренние или вечерние богослужebные часы создавало атмосферу для верующего, помогало воспринимать и познавать Святые Таинства. Священник начинал читать молитву, обращенный в пространство нефа, которое должно было создавать впечатление «храма — рая Божьего» [13, с. 47]. Это пространство, обрамленное открытыми дверями, охватывало солею и алтарь, сверкающие в лучах солнца, струящегося из окон в конхе апсиды. Земная церковь виделась молящимся в ней подобием небесного святилища, где обитает Бог, а земная Литургия являлась совместным торжеством почитания.

Создавая внутреннее пространство херсонесских храмов и базилик, архитекторы стремились представить его единым, но расставляли приоритеты и разграничивали пространство с помощью различных декоративно-изобразительных деталей и опять-таки света, свето-пространственной композиции. Свет понимался как «кисть» в руках архитектора. Он оживлял живописную и скульптурную декорацию, являвшуюся в архитектурном синтезе текстурой и фактурой, говорившей на языке света и тени. Он указывал глазу как рассматривать и как читать архитектуру. Он управлял движением человека в пространстве и, во многом, движением его сознания. Именно свет объединял замысел и придавал ему законченность.

Литература

1. *Лидов А. М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. — М., 2009. — С. 9–35.
2. *Годованец А. Ю.* Свет в архитектурном пространстве византийской купольной базилики VI века. Св. София Константинопольская: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. — М., 2010.
3. *Рожнятовский В. М.* Дневное освещение как самостоятельный элемент декорации древнерусского храма: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. — М., 2007.
4. *Potamianos I.* Light into Architecture: Evocative Aspects of Natural Light as Related to Liturgy in Byzantine Church / PhD: University of Michigan, 1996. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://thesis.ekt.gr/thesisBookReader/id/8615#page/4/mode/2up>
5. *Vouras L., Parani M. G.* Lighting in Early Byzantium.— Washington, 2008.
6. *Попова О. С.* Свет в византийском и русском искусстве XI—XV вв. / Проблемы византийского искусства. Мозаики, фрески, иконы. — М., 2006.
7. *Болгов Н. Н.* Византия-Таврика-Русь: Культурно-идеологический континуитет в Северном Причерноморье // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Відпов. ред. М. Литвин (Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Зб. наук. праць). — Вип. 20. — Львів, 2011.
8. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая пол. VI — первая пол. X вв.). Очерки истории и культуры. — Х., 2005. — Ч. 2.
9. *Годованец А. Ю.* Свето-пространственная композиция Софии Константинопольской и позднеантичная наука о свете // Иеротопия огня и света в культуре византийского мира / под ред. А. М. Лидова — М., 2013.
10. *Рожнятовский В. М.* Световые эффекты в пространстве византийского и древнерусского храма: исторические этапы и особенности развития // Иеротопия огня и света в культуре византийского мира / под ред. А. М. Лидова. — М., 2013.
11. *Оустерхаут Р.* Византийские строители / Пер. Л. А. Беляева. — К.; М., 2005.
12. *Наследие византийского Херсона* / Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залесская, Д. Журавлев; Нац. заповедник «Херсонес Таврический» и др. — Севастополь; Остин, 2011.
13. *Тафт Р. Ф.* Византийский церковный обряд. Краткий очерк / Пер с англ. А. А. Чекаловой. — СПб., 2000.

